

Юз Алешковский

КЫШ
И Я
В КРЫМУ

Любимые истории
девчонок и мальчишек

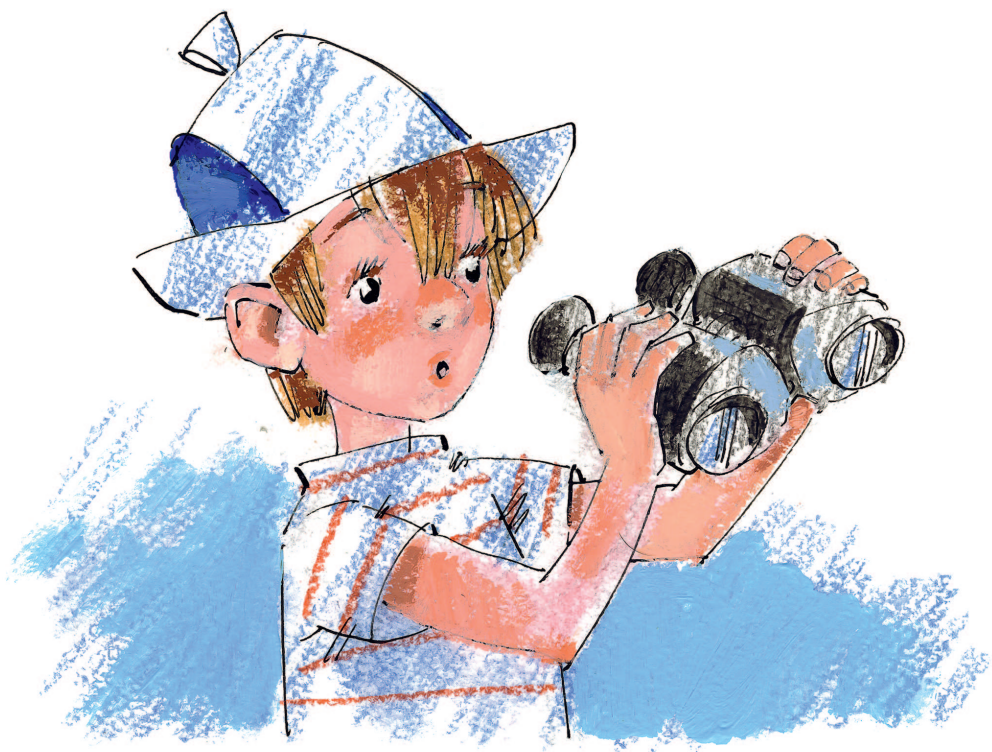
Юз Алешковский

КЫШ ИЯ В КРЫМУ

Рисунки
Надежды Бугославской

1

О том, что мы едем в Крым, я узнал всего за два дня до отъезда.

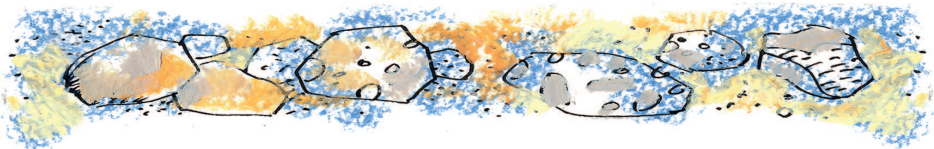
Мы с Кышем сидели на балконе, и я вдруг увидел своего папу. Он подошёл к дерущимся мальчишкам и что-то сказал им. Мальчишки неохотно подали друг другу руки и разошлись в разные стороны.

— Что ты им такого сказал? — спросил я папу, когда он пришёл домой.

— Я им сказал: «Дети! Я с сегодняшнего дня в отпуске. Я ждал этот день целый год. Пожалуйста, не омрачайте его. Дайте же друг другу руки! Поверьте мне: жизнь прекрасна!»

— Но ты же ещё вчера не знал про отпуск! — сказал я.

— Да. Тебе известно, что я люблю неожиданности? Так вот, сегодня утром мне вручают в местном путёвку и говорят: «Дорогой Сероглазов! Посмотри на себя! На тебе же лица нет. Ты нервный и просто обуглился на работе. Мы не можем допустить, чтобы наш ведущий

конструктор таял не по дням, а по часовому графику. По-езжай в Крым!»

Я ещё не успел всё сообразить как следует, а папа уже говорил маме по телефону:

— Ирина, я не шучу... Послезавтра мне необходимо быть в Крыму... Именно с женой и с ребёнком. Ты же говорила, что можешь уйти в отпуск в любую секунду? Говорила. Вот и уходи. Выключи свою электронную машину и уходи. Машине тоже нужно отдохнуть, а то у неё шарики начнут барахлить... Быстрее пиши заявление. Мы с Алёшей упаковали первый чемодан. Как, как? Вопрос о поездке собаки мы обсудим не по телефону. Пока... Да! Жить будете в доме у тёщи моего сослуживца. Я договорился...

6 — Без Кыша никуда не поеду, — сказал я. — Мне не нужен никакой Крым!

— Ты погоди занимать твёрдую позицию. Вот придёт мама, мы сядем за наш круглый стол и начнём переговоры на самом высоком уровне.

— А ты за кого будешь? — спросил я.

— Я буду за разумное решение проблемы, — сказал папа.

— Тут только одно решение: взять Кыша с собой! И всё! Даже переговаривать не желаю!

— Давай до начала переговоров не заводишь их в тупик. Идёт?

— Попробуем, — сказал я, решив ни за что не сдаваться. Потому что я просто представить не мог, как это я уеду в Крым без Кыша.

Я присел около Кыша, приподнял его длинное мохнатое ухо и шепнул:

— Не бойся! Я тебя не предаю. А если начнут спрашивать, как ты будешь себя вести, отвечай, что хорошо, обещаний надавай и, главное, посильней виляй хвостом. Понял?

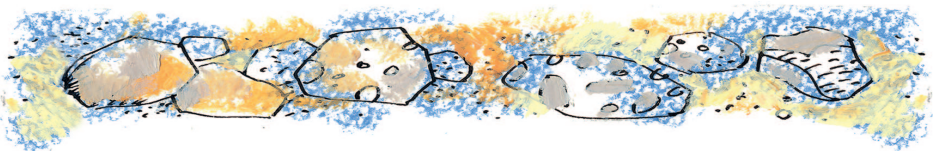
Кыш ничего не ответил и только глубоко вздохнул...

7

2

До прихода мамы я помогал папе укладывать чемодан. Он сложил в него свои майки, трусики, рубашки, кеды, джинсы и тоненькую книжку, которая называлась «Угрожает ли Солнечной системе тепловая смерть?».

Я, конечно, сразу поинтересовался, что такое тепловая смерть и вправду ли она нам угрожает? Папа сказал, что угрожает, хотя до этого ещё очень далеко, миллионы лет, но если люди вроде меня будут получать по арифметике тройки, а иногда и двойки, то тепловая смерть Солнечной системы наступит гораздо раньше, чем ожидалось. Ещё папа сказал, что если люди вроде меня подтянутся

по всем предметам, то через тысячу лет они запустят в небо искусственное солнце, а может быть, даже не одно, а целых три штуки. И тогда в Москве круглый год будет тепло, как в Крыму.

— А пока что, — добавил папа, — позаботься о том, чтобы не получить у моря солнечный или тепловой удар. Найди свою панамку и сделай из доски, которая лежит на балконе, четыре стойки. Ты будешь с мамой на пляже натягивать на них простыню и спасаться от солнца.

— А ты разве не будешь с нами лежать на пляже? — спросил я.

— У дома отдыха свой пляж. Туда не пускают посторонних. Даже детей и жён.

— Почему?

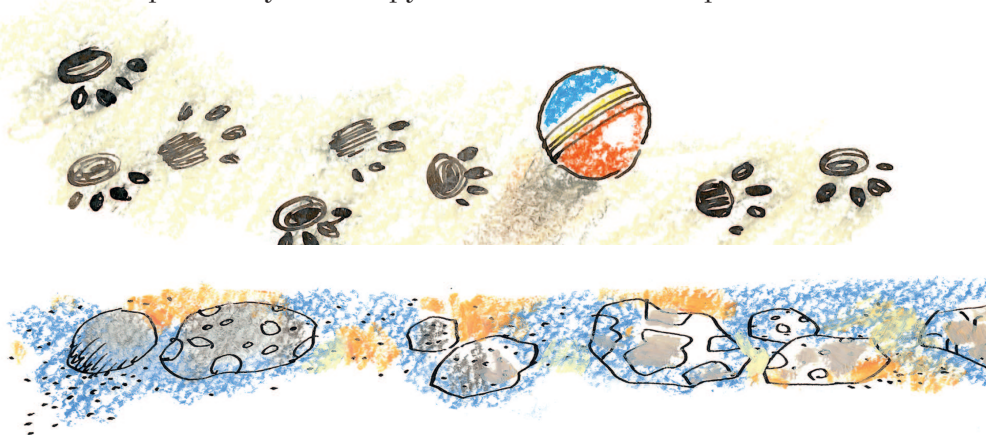
8 — Потому что таковы тамошние правила. Между прочим, — сказал папа, — я позвоню своему однокласснику Мише Фингеру, он работает в зоопарке, и спрошу, не вредна ли Кышу поездка в Крым, к морю.

— Понимаю, к чему ты клонишь, — сказал я.

— Будь уверен: я тебе не солгу. Что скажет Миша, то и передам. Но как быть, если врачи категорически запретят Кышу ехать?

Папа ещё не раз до прихода мамы и переговоров за нашим круглым столом пробовал обрабатывать меня разумными доводами насчёт Кыша, но я не сдавался, потому что не видел в этих доводах ничего разумного.

— Ты сам, — сказал я, — говоришь, что лучше умереть, чем предать лучшего друга. И я никогда не предаю Кыша!

Наконец, весёлая и радостная, вернулась с работы мама. Ей тоже подписали заявление об отпуске и завтра должны были выдать отпускные деньги. Папа показал маме путёвку на красивой бумаге и сказал:

— А вам придётся с Алёшей быть дикарями. — Мне показалось, что мама немного обиделась после этих слов, но папа добавил: — Не думайте, что я так уж жажду в дом отдыха. Я с удовольствием не разлучался бы с вами.

— Ты ведь мог отказаться от путёвки, — заметила мама.

— Это было просто невозможно. Местком сказал мне: «Сероглазов, ты у нас самый нервный и справедливый человек. Отдыхай!» Как тут откажешься?

9

Мы уже кончили ужинать, но я нарочно не вмешивался в разговор. Я терпеливо ждал начала переговоров о Кыше...

Мама начала издалека. Она сказала, что недолгая разлука только укрепляет чувства друзей.

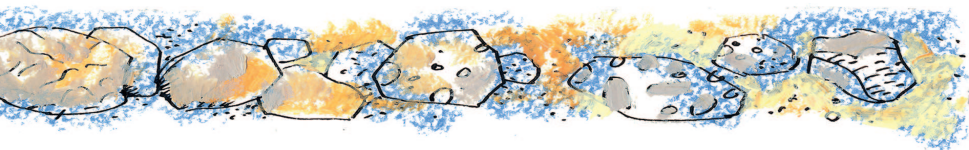
— Не люблю людей, которые нарочно разлучаются для проверки всяких чувств, — заметил я спокойно.

— Он прав, — сказал папа и как-то странно посмотрел на маму.

Тогда мама без долгих слов призналась, что она очень любит Кыша. Но что я себе не представляю всех трудностей, связанных с питанием и проживанием собаки на курортах Крыма.

Мама обрисовала мне тысячу разных трудностей. И переезд, и жару, и солёную морскую воду, и набитые битком автобусы, и невозможность пойти с Кышем в кино и на концерты, и скандалы на пляже из-за того, что пляж не для собак, а для людей, и ещё много чего другого.

— Это будет не отдых, а пытка! — под конец своей речи сказала мама.

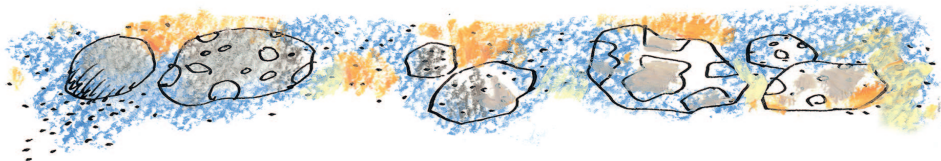

Кыш после её слов, еле слышно застонав, вылез из-под круглого стола и с опущенным хвостом печально поплёлся в другую комнату.

— Так. У одного из участников переговоров не выдержали нервы, — сказал папа.

— А ты, я вижу, дипломат! — вспыхнула мама.

— Совершенно верно, — согласился папа.

— Тогда тебе незачем лечить нервы. У дипломатов они крепки, как канаты, — сказала мама.

— Просто мы, дипломаты, умеем себя держать в руках, как бы ни пошаливали нервишки, — объяснил папа.

— Повторяю: я хочу отдохнуть. Вы можете это понять? — спросила мама. — Или вы бесчувственные эгоисты?

— А что значит отдохнуть? — сказал я.

— Это значит: спокойно купаться, загорать, читать, ходить на экскурсии и в кино.

— Выходит, Кыш тебе помешает? — спросил я.

— Не знаю. Ведь мы ни разу не отдыхали вместе.

— Вот и давай попробуем, — предложил я. — Знаешь, какие условия я тебе создам? Ты не будешь беспокоиться ни о чём! А я буду ходить в магазины и на базар. Буду стирать сам свои носки и трусы и, уж конечно, кормить Кыша. И тебе не придётся волноваться из-за меня, как в Москве! Вот увидишь!

— Ты обещаешь без спроса не лазить в море? — спросила мама, начиная сдаваться.

— Слово! — сказал я.

— Ты обещаешь не получить солнечный удар?

— Слово!

— Ты обещаешь не тянуть в рот грязные фрукты?

— Слово!

— Ты обещаешь никуда от меня не убежать и не теряться?

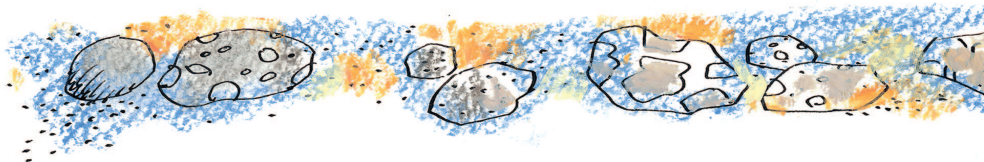
— Слово! — заверил я.

— Хорошо. Ваша взяла, — сказала мама. — Завтра же возьмите справку о состоянии здоровья Кыша. Без неё ему не дадут билет на самолёт.

Я встал на стул, поцеловал маму и сказал:

— Не бойся. Всё будет хорошо. Ты отдохнёшь, как никогда.

— Посмотрим... посмотрим, — ответила мама.

Время до нашего отлёта тянулось долго-долго. Ещё дольше, чем последний день четвёртой четверти. И только на трапе, когда папа показывал красивой девушке наши билеты на самолёт, я вдруг почувствовал, что это — правда! Ещё совсем немного, заревут реактивные моторы, и мы полетим в Крым!

Моё место в самолёте было у круглого окошечка — иллюминатора. Кыш сидел у меня на руках и вёл себя спокойно. Только когда самолёт разогнался, он уткнул морду мне под мышку, как будто не хотел ничего ни видеть, ни слышать.

Я его гладил, успокаивал и говорил, что собаки теперь бывают в космосе, а там пострашней, чем в реактивном «Ту-104», летящем совсем не высоко над землёй. И из-за того, что я всё время беспокоился о Кыше, я сам ни разу не струсил...

13

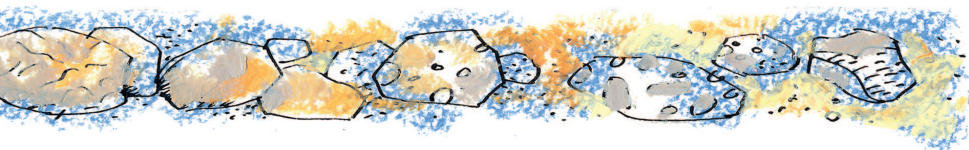
...Потом красивая девушка принесла нам минеральную воду и конфетки, которые едят в небе, и опять велела всем пассажирам застегнуть ремни. Папа научил меня при снижении часто щёлкать зубами, чтобы не заложило уши, а Кышу выдал кость с хрящиками, так как конфету грызть он не пожелал.

Рёв моторов сделался немного тише, у меня всё оборвалось внутри, когда самолёт провалился на секунду в яму, а в ушах как-то зашипело и стало покалывать тысячью иголочек.

— Кыш, — сказал я, — мы идём на посадку! — И не услышал собственного голоса.

Я испугался, по совету папы защёлкал зубами, в ушах у меня вдруг выстрелило, и я услышал, как папин сосед громко жалуется красивой девушке, нашей бортпроводнице:

— Возмутительно! Я молчал, когда собака дёрнула мой зонтик! А теперь в самолёте создана ужасная атмосфера:

глодают кость, щёлкают зубами! В конце концов, мы не в купе поезда. Мы в полёте. Здесь нервы напряжены до предела!

— Извините, но я не могу запретить собаке глодать кость, а мальчику щёлкать зубами. Пожалуйста, договоритесь между собой сами, — с улыбкой сказала девушка.

Как только мы сошли с трапа, Кыш прямо заскулил от радости и даже лизнул бетонную дорожку аэропорта. Он был счастлив, что вернулся с неба на землю.

Мы получили наши чемоданы и встали в очередь на такси.

Кыш лежал в тенёчке за чьим-то чёрным чемоданом, часто дышал, свесив язык набок, и то и дело с упрёком поглядывал на солнце. Ведь оно пекло действительно почище, чем в Москве.

А я рассматривал красивые разноцветные наклейки на чьём-то чёрном чемодане и спрашивал у мамы, что на них написано нерусскими буквами.

Это были названия разных городов и гостиниц.

Вдруг к очереди подъехал голубой микроавтобус «Рафик». Из него высунулся человек со шрамом на щеке, которого я видел в самолёте, и спросил:

— Товарищи! Если среди вас есть с путёвками в «Кипарис», милости прошу, довезём.

— Я в «Кипарис»! — сказал папа. — Но у меня семья и собака.

— Садитесь. В «Рафике» места хватит всем, — сказал человек со шрамом.

— Простите, и я в «Кипарис», — обратился к нему хозяин чемодана с разноцветными наклейками. — Мне тоже можно? 15

— Конечно. Садитесь.

Потом, наверно решив не стесняться, из очереди вышли ещё два человека: небритый высокий парень с рюкзаком за плечами и папин сосед, ворчавший на нас с Кышем. Он спросил:

— Эта машина прислана за нами из дома отдыха, или вы везёте нас частным образом?

— Частным образом, — ответил человек со шрамом.

Сначала мы ехали по шоссе, потом проехали по городским улицам, потом снова выехали за город и мимо зелёных яблоневых садов, мимо голубых и розовых домиков и взяли курс к морю.

Обернувшись к нам, человек со шрамом сказал:

— Давайте знакомиться. Василий Васильевич Васильев.

— Меня зовут Алёша.

— Ирина Дмитриевна, — представилась мама.

— Митя, — сказал папа.

— Фёдор Ёшкин, — сказал небритый парень.

